

ДОРОГА В УЭЛЛВИЛЛ США, 1994, реж. Алан ПАРКЕР

Личность Джона Харви Келлога, основавшего в начале нашего века в городе Бэтл-Крик, штат Мичиган, центр здорового образа жизни, нам с вами сегодня совершенно неизвестна. Можно, однако, быть уверенным, что этот славный гипнест, противник пьянства, чревоутодия и половой распущенности не один раз перевернулся бы в гробу,

доведись ему увидеть фильм, сделанный «по мотивам» его собственной биографии.

Иностранские критики пишут, что фильм мог бы быть и смешнее, но на язык кино, дескать, трудно перевести особый стиль прозы писателя Коргэссана Бойля, чей роман и использовал для своего сценария Паркер. На мой же взгляд, делать смешнее не надо — над героями «Уэллвилла» мы и так смеемся больше, чем над дюжиной других, произвольно взятых картин американского «мэйн-стрима», включая и комедии.

Смеемся над игрой Энтони Хопкинса, который наградил своего Келлога внешностью прусского фельдфебеля и оптимизмом идюота; над доходягой Уиллом Лайтбоди (актер Мэтью Бродерик), чье буйное либидо противостоит самым изуверским диетам и процедурам; над сценами массовых пробежек, омовений, растираний, промываний желудка и пережевывания дрянной суррогатной

пищи — режиссура Паркера, построение кадра оператора Питера Бизью и монтаж Гэрри Хэмблинга превращают эти эпизоды в пародийные балетные миниатюры.

Фильм хорош тем, что сквозь смех не проступает горькое ощущение нелепости и мимолетности этого мира (умирает трогательная молоденькая госпожа Муиц, умирает смешной русский господин с непроизносимой фамилией, умирает, плюхнувшись в озеро, и сам Келлог).

Фильм хорош тем, что при его просмотре философская горечь не отбивает охоту смеяться над чужим и собственным несовершенством.

ИСКУПЛЕНИЕ В ТЮРЬМЕ ШОУШЭНК США, 1994, реж. Фрэнк ДЭРЭБОТ

Растягивая небольшой рассказ Стивена Кинга «Рита Хэйуорт и искупление в Шоушэнке» до сценария 2, 5-часового фильма, Дэрэбот шел на немалый риск. В отличие от многих других экранизированных бестселлеров Кинга в «Рите Хэйуорт» совершенно отсутствуют мистика и леденящие кровь кошмары. Как говорит один из героев фильма, здесь царит «рутина тюремной жизни».

Тюрьма, в которую попадает молодой банкир Энди Дюфрен (актер Тим Роббинс), — весьма скучное заведение, прежде всего в сравнении с тюрьмами из других американских (и не только американских) фильмов. Типы заключенных, беспредел начальства, камерный быт («ломка» новичков, драки, попытки «опускания») показаны весьма сдержанно и, в общем, традиционно. Зато гораздо подробнее и настоятельнее говорится о примерах «окультуривания» тюремной жизни, развития в ней духовного, гуманного начала. Именно в этом и проявляется себя главный герой. Собирая на тюремном дворе кусочки минералов, вырезая из них шахматы, пополняя местную библиотеку новыми книгами и грампластинками, обучая молодежь грамоте, Дюфрен заметно улучшает моральный облик своих товарищей и сам растет в их глазах.

Одним из самых близких ему по духу людей становится флегматичный чернокожий «ветеран» Шоушэнка по кличке «Ред» (актер Морган Фримэн). Так же, как и Дюфрен, он отбывает какой-то невероятный по нашим меркам срок (кажется, двойное пожизненное заключение), но при этом не ожесточается и не впадает в депрессию. Его симпатия к Дюфрену проявляется в небольших подарках, полученных с воли: в частности, он дарит своему другу портрет Риты Хэйуорт, который (режиссерская находка!) спустя десять лет сменяется портретом Мэрилин Монро, а еще через десять лет — фотографией Рэкл Уэлч.

При всех достоинствах фильма (а он был представлен к «Оскару» за режиссуру) его нельзя назвать бесспорной удачей — скорее он просто появился в свое время, затронув «большой нерв» социальной психологии современных американцев.

ПОДНИМАЯ КРАСНЫЙ ФОНАРЬ КНР — Гонконг — Тайвань, 1991, реж. Чжан ИМОУ

Китайское элитарное кино представлено у нас очень скудно: до недавнего времени эту культурную брешь закрывал только изрядно постаревший «Красный гаолян», потом появилось «Прощание с моей наложницей» Чэнь Кайгэ и вот теперь можно

увидеть новый шедевр — не самый последний, но, пожалуй, самый изысканный фильм режиссера Чжан Имоу «Поднимаю красный фонарь».

Героини (а это пять женщин — четыре соперницы-жены и служанка) действуют в сравнительно небольшом замкнутом пространстве дома и дворика, но это локальное место действия показано с такой смелой настроенной и колорита, что не уступает впечатлению от Великой китайской стены. Покрытые снегом черепичные крыши и заснеженный двор — это уже поэтический образ, но Чжан Имоу умеет довести его до совершенства.

■ Дмитрий КАРАБАЕВ